

*Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

ИС Р16-628-3447

Богданова, И. А.
Б 73 Три Анны: роман / Ирина Анатольевна Богданова. — М.: Сибирская Благовонница, 2019. — 780, [4] с.

ISBN 978-5-00127-129-1

Удивительный, захватывающий сюжет романа Ирины Богдановой «Три Анны», — словно непрерывный бег по спирали времени. Он проводит читателя от начала XX века до наших дней через целую череду образов, поражающих воображение своей многозначительностью.

Действие романа разворачивается, когда юная Анна Веснина возвращается к отцу из закрытого пансиона. Она сразу сталкивается с тайной, полностью меняющей её жизнь и затрагивающей судьбы двух других Анн, которым только суждено родиться. На протяжении века три Анны из трёх разных эпох слышат отзвуки давних событий, встречая на своём пути верность и предательство, сломленных жизнью людей и благородных друзей. Трёх Аннам предстоит постигнуть глубины человеческих чувств и выбрать единственно правильную дорогу к любви и миру.

УДК 821. 161. 1-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

© Богданова И.А., текст, 2012
© Издательство Сибирская
Благовонница, 2013

Пролог

Фома и Андрон вышли к реке тогда, когда солнце совсем клонилось к закату, окрашивая в бордовый цвет сизые облака и верхушки тёмных скал, поросших редколесьем. В лицо нещадно дул холодный ветер, заползая под вороты истершихся рубах, перепоясанных пеньковыми верёвками, и ероша волосья на голове — у Дрона, седые и редкие, а у Фомы — стриженные под горшок золотистые кудри.

Зверь окрест рыскал непуганый, тетёрки из-под кустов сами в похлёбку просились, а пару раз довелось столкнуться с матёрой рысью да с лесным хозяином — бурым медведем.

Слава Господу, дал силушку прогонять страхи молитвой, а то лежали бы сейчас с разодранной грудью и не поведали бы местному народу о Спасителе, что ради них смерть на Кресте принял.

Странники измерили шагами не одну тысячу вёрст от самого Иерусалима. Каждый раз, когда израненные о камни ноги отказывали служить, путники давали себе короткий отдых, драли лыко, плели новые лапти и снова шли на север, неся за плечами драгоценный груз — малый ковчежец с камешком со Святой Горы Голгофы в дальней Палестине.

По пути из Иерусалима Фому и Дрона трижды грабили: два раза басурмане, ещё там, во Святой Земле, и один раз — в здешних местах, недалече отсюда.

Но, заглянув в котомки и оценив избитые в кровь ноги паломников, плюгавый атаман с кургузой бородежкой и гнилыми зубами в сердцах сплюнул от досады и рывкнул шайке, чтоб подали странникам по краюхе хлеба.

— Через реку тут перебираться и не думайте. Нездаром то место у идолопоклонников «Керста» называется — гибель, значит. Порог все косточки в муку перетрёт не хуже мельничного жернова. Идите вниз по течению, там брод, — атаман махнул рукой в направлении летящего ястреба с добычей в когтях.

— Мы уж, как Бог даст, — поклонились за хлебушек да за привет Дрон с Фомой и после вечернего правила vybrели к бурлящему потоку, ревущему с такой силой, словно он собирался в клочья разнести собственное русло.

Не сговариваясь, странники опустились на колени, и над исходящей гневом водой поплыла молитва к Господу.

— Ну, теперь пойдём, брат Фома, — сказал Дрон, положив последний поклон, — отдадимся на волю Всевышнего, Он нашими душами Сам распорядится. Одно знаю, раз привела нас в эти края тропинка, значит, есть у Христа на то Свой Промысл.

— Правду молвишь, брат Дрон, — кусая губы, потупился Фома.

Хотя он был ещё совсем молод, душа уже горела совершать подвиги во имя Спасителя. Поэтому, когда брат Дрон предложил ему пойти в глушь да основать скит в потаённом месте, с сердечной радостью откликнулся на призыв убелённого сединами старца, полжизни подвизавшегося по монастырям.

Подойдя к реке, Дрону с Фомой довелось узреть чудо Господне, свершившееся по их молитве: воды бурной реки словно остановились и замерли на лету. Ни одна капля в лицо не брызгала, ни одна шишка с прибрежных сосен не закрутилась в водовороте — тишь да гладь кругом.

— Велик Господь во Славе Своей! — перекрестился Дрон и с пением гимнов без боязни ступил в тёмную воду, подёргивающуюся лёгкой дрожью, вроде коня, сдерживаемого могучей рукой.

Переплыли порог странники, аки ласковый ручеёк, и едва ступили на берег, как в спину Фоме с бешеной силой ухнула ледяная струя воды, сбив с плеч мешок с голгофским камнем.

— Ахти мне! Эх, руки-крюки!

Не успел Фома подхватить святыню, как Дрон бросился за ней, словно стрела из татарского лука, да и сгинул в бурном потоке, несущемся на скалы. Только и смог Фома, что уловить вскрик старца:

— Прими, Господи, душу мою!

Не захотела река возвращать святыню палестинскую, себе оставила.

Скрутила волна Дронушку, бросила спиной на каменный порог, распяла на воде крестиком человеческим, а после выкинула на берег целёхонького, лицом светлого, благодного, только неживого.

Грешен Фома, позавидовал своему учителю — не каждому счастье выпадает такую смерть принять во славу Божию.

Три дня над новопреставленным акафисты пел да Псалтирь читал, а после, взвалив на плечи тяжёлую ношу, пошёл место искать, подходящее для упокоения:

чтоб сухо было, да в мягких травах, да ещё чтоб птицы вокруг пели сладостно, словно в райских кущах.

Версты через две от Керсты, когда рубаха насквозь пропиталась потом, а ноги стали заплетаться, Фома заметил в небе ласточку, что над его головой неотлучно летала. Так и вжикала взад-вперёд, так и вжикала. А после долетела до середины поля, взмыла вверх и исчезла в облаке.

Хоть и неудобно было голову задирать, уж больно Дронушка шею передавливал, но глянул вверх Фома одним глазом — а там, на небеси, облако всё солнцем пронизано, точно чертог золотой светит, переливается, а в середине круг стоит. Понял тут Фома, что ласточка ему место указала, где старца схоронить. Там, благословясь, и могилку отрыл, отдав упокойнику последние почести, возвёл крест, из сосны срубленный, а на нем топором надпись вырубил: *«Дрон, старец жизни непорочной»*.

— Авось добрые люди тут поселятся, и могилку блюсти будут, а может, кто и церковку срубит, — крепко помолился Фома и дерзновенно испросил Господа: — Буди воля Твоя, то пошли, Боже Милостивый, тому, кто храм здесь возведёт, такое благо, чтоб всех из его рода порог Керста вживе выпускал, а не разил о камни.

С тем отдал поясной поклон учителю, да и пошёл потихоньку в самую чащобу пещеру искать, надеясь от души потрудиться на ниве Христовой.

Сколь веков пройдёт, прежде чем эти места люди заселят, Фома не загадывал, но запомнил, что кукушка пятижды прокуковала. Господь ведаёт, что она отсчитывала... Тоже ведь Божие творение...

Дорожка куневская

Особенно тревожился отец Александр:

— Я ожидаю важный пакет из столицы, — доверительно сказал он Веснину, поглядывая на сидящую рядом Анну, — надеюсь, нарочный беспрепятственно доберётся до Ельска.

Аня их не слушала. Разбойники рыскали где-то там, за дальним лесом, а здесь, в этой зале, люди были веселы и беспечны, и их наверняка не может коснуться ничто ужасное. К тому же, капитан-исправник на ужин не пришёл, а значит завтра, ну, в крайнем случае, послезавтра, город услышит хорошую новость о поимке преступников.

* * *

Наутро Анну разбудил шум дождя. Частые капли бодро барабанили по металлической крыше, разгоняя дурной сон, приснившийся этой ночью. Она приподнялась на локте, взбила подушку и снова откинулась на перину, вспоминая вчерашний вечер и непростое объяснение с отцом.

Разговор состоялся поздно вечером, когда изрядно уставшие хозяева чуть ли не силком усадили в экипаж купчиху Черногузову. Выпроводить последнюю гостьюшку оказалось делом непростым, потребовавшим от них недюжинной силы и сноровки. Повиснув всей тушей на Иване Егоровиче, Черногузова, вяло перебирала ногами в направлении крыльца, настойчиво добиваясь от Веснина ответа на прямо поставленный вопрос:

— Скажи, Егорыч, чем я тебе не хороша? Ты вдовец, и я вдова... Объединим капиталы...

— После поговорим, — как от назойливой мошки отмахивался от Черногузихи Веснин, проталкивая её в широко распахнутую дверь. — Степан, Степан, подавай экипаж!

Итог визиту подвела вышедшая на крыльцо Анисья. Глядя вослед покачивающейся на сиденье двуколки купчихи, полыхающей алым платьем, она выразительно выдохнула:

— Срамота, да и только.

— Не говори, Анисьюшка, — примирительно поддержал няньку Веснин и посмотрел на дочь, приглашая её к разговору.

Как ни желала Аня отодвинуть серьёзную беседу, пришлось подчиниться. В гостиной работники уже приступили к уборке. Шумно переговариваясь, подёнщицы таскали в кухню столовые приборы, взятые в аренду у лавочника Петунина. Анисья с видом главнокомандующего распорядилась мужиками, раздвигавшими столы, и Аня с отцом пошли в кабинет, где после шумного вечера особо ощущался блаженный покой домашнего очага.

— Аннушка, доченька, не таи, понравился тебе господин Груздилов?

Отцовские глаза ищуще смотрели на неё, ожидая слова «да». Анне стало досадно разочаровывать тятю, и, вместо ответа, она обняла его за шею, ткнувшись лицом в бороду, как слепой котёнок:

— Не кори меня, батюшка, но Платон Платонович противный, словно капустный слизняк.

— Понятно... Не лёг на душу...

Батюшка любовно провёл ладонью по её пышным волосам, роняя на пол черепаховые шпильки, и расстроено сказал:

— Чует мой сердце, Анютка, засидишься ты в девках. Кому без зятя и внуков буду дело передавать? — он помолчал и неуверенно предложил: — Может, с господином бароном полюбезничаешь? Хоть он человек и родовитый, не нам чета, но я бы с ним сговорился. Ради тебя всё добро на него отписал.

— Батюшка! Что ты такое говоришь?! — в сердцах закричала Анна, чувствуя закипающие на глазах слёзы. — Неужели я тебе настолько надоела, что ты спишь и видишь, как меня с рук спихнуть?!

— Аннушка!

Отец укоризненно взглянул в её заплаканные глаза, и Аня вдруг увидела, как он постарел: на лбу залегли глубокие морщины, разбегающиеся к вискам, каштановая борода густо пересыпана серой проседью, а прежде румяные губы кажутся бледными и безжизненными.

«А ведь молодой, едва пятьдесят лет минуло. Совсем сдал после матушкиной гибели», — с острой нежностью подумала Аня, снова заливаясь слезами, теперь уже от любви и нежности.

— Анютка, дочушка, я ведь тебя не неволю, не хочешь замуж — сиди дома, — по-своему понял

её плач отец, неуклюже пытаясь остановить бурный поток слёз.

Да, наплакалась она вчера вволюшку и заснула далеко за полночь, совсем обессиленная. Снился ей странный сон, будто идёт она вдоль реки мимо порога, где утонула матушка, и видит, как о каменный уступ бьёт лодку, а в лодке той человек сидит, руками за края держится, вот-вот сгинет в водопаде.

Одет незнакомец странно, не по-нашему: в оранжевую жилетку поверх синего балахона, волосы стриженные, косматые, как у пастушка с соседней улицы.

— Отплывай в сторону! — зовёт Анна что есть силы, стараясь перекричать шум воды.

А путник отвечает:

— Нет! Не могу! Чтобы мы с тобой встретились, лодка должна здесь разбиться.

По голосу Аня понимает, что в лодке сидит не парень, а девушка. Она тянет руки, хочет помочь, но как? От бессилия Анна застонала и проснулась.

«Приснитися же такое...»

Взглянув на тщательно развешенное на стуле платье, она снова возвратилась мыслями ко вчерашнему приёму. Удачно, что почтмейстерову Наденька весь вечер беззастенчиво преследовала фон Гука. По крайней мере, не пришлось с ним слишком часто разговаривать. Перебросилась парой дежурных фраз, не более того, и то, подчиняясь обязанностям хозяйки.

Ленивым размышлениям помешал шум на улице. Голоса людей смешивались в неразличимый гул, перекрывааемый резким звуком полицейского свистка. Что случилось? Поёживаясь от прохлады, Анна спустила ноги с кровати и подошла к окну, чуть влажному от дождевых капель.

Хотя сквозь размытое стекло было видно неважно, она смогла рассмотреть двух мужиков, ведущих под руки расхристанного господина, по виду разночинца. Серый потрёпанный сюртук незнакомца был залит чем-то тёмным, голова безвольно моталась из стороны в сторону, словно у тряпичной куклы.

Драка? Несчастный случай? Не похоже, да и человек выглядел явно чужаком. Неужели разбойники? Охнув, Аня поднесла руку к губам, вспомнив, что отец собирался спозаранок ехать на мануфактуру присмотреть, чтоб работники экономно раскроили новую партию жести.

«Не приключилось ли с ним беды. Надо побежать узнать, в чём дело».

Как на грех, куда-то запропастились тапки, пеньюар не застёгивался, и Аня, набросив на рубашку попавшийся под руку простой сарафанишко для домашних работ, босиком выбежала в сени, чуть не нос к носу столкнувшись с Алексеем Свешниковым. Серая косоворотка, заправленная под тонкий кожаный ремешок, была ему к лицу, хотя и делала молодого человека похожим на мастерового, а не на студента.

— Алексей?! Вы? Откуда?

От неожиданности Аня не сразу вспомнила его отчество и теперь не знала, как обратиться к нему, думая только о том, что стоит перед молодым человеком босая, простоволосая и в полу-расстёгнутом сарафане.

Он принял её появление как должное, открыто улыбнувшись и взяв её за руку чуть подрагивающими пальцами.

— Зашёл засвидетельствовать своё почтение, Аннушка.

От откровенных слов молодого человека и блестящих глаз, не отрывающихся от её лица, Анна была готова провалиться сквозь землю, но, сделав над собой усилие, спокойным тоном предложила:

— Алексей Ильич, будьте любезны подождать меня в гостиной, я спущусь через пару минут.

— Не Алексей Ильич, а Алексей, — поправил он её, делая шаг в указанном направлении. — Для вас я просто Алексей.

Путаясь в подоле сарафана, Анна торопливо побежала наверх, попутно высматривая няню Анисью, горничную Машу или, на худой конец, швею Проклу. Надо же, наконец, узнать, что произошло. Но, похоже, в доме не было ни души. Досаду на разбежавшихся неизвестно куда домашних, Аня скользнула в праздничное платье, надёванное вчера, дрожащими от спешки руками заколола волосы, мимолётно окинув себя взглядом в большом зеркале. Туфли нашлись под шкафом, чистые чулки — в нижнем ящике комода.

«Стоп. Да что это я?! — остановила она сама себя. — Не на пожар. Спешить некуда».

Сдвинув брови, нарочито медленно Аня спустилась по лестнице и вошла в гостиную. При её появлении Алексей встал, церемонно поклонившись, словно появился только что.

— Случайно оказавшись в Ельске, счёл своим долгом заглянуть к вам, поинтересоваться вашим самочувствием.

— Благодарю вас.

Аня села на диванчик, жестом указав Алексею место напротив себя. Сухость Аниного тона придала их разговору официальность, притушив живость собеседника. Он неловко опустился на кончик стула, положив руки на колени, как провинившийся ученик.

— Вы, вероятно, были на улице, — начала разговор Анна, — и можете рассказать мне, что случилось? Я наблюдала в окно, как по улице вели раненого.

Алексей встрепенулся, меняя позу, и выражение его лица стало озабоченным:

— Боюсь, у меня скорбные вести. Я слышал разговоры, что на курьера с деньгами на дороге напали разбойники.

Хотя она и сама думала о разбойниках, тем не менее сообщение Алексея заставило её побледнеть от страха за батюшку.

— Я так и знала! — Аня в волнении вскочила с кресла, но тут же опустилась обратно, до боли сплетая пальцы.

Увидев на лице Алексея неподдельное сочувствие, решила не скрывать своей тревоги, дрогнувшим голосом пояснив:

— Батюшка уехал на мануфактуру. Путь туда через лес, я безмерно волнуюсь.

— Не стоит, — твёрдо сказал Алексей, найдя её руку и поцеловав ладонь около запястья. — Даю вам слово, что с головы вашего батюшки не упадёт ни волоса.

— Вы даёте слово? — безмерно удивилась его уверенности Аня.

Алексей дурашливо развёл руками:

— Именно я. Видите ли, любезная Анна Ивановна, от бабушки мне достался дар предвидения.

Неизвестно почему, но Аня сразу поверила в правдивость его слов и успокоилась.

— Дай Бог...

В комнате повисло молчание, прерываемое громким тиканьем напольных часов в корпусе красного дерева. Поймав себя на мысли, что не знает, куда положить руки, Аня порозовела и поискала глазами корзиночку с вязанием, но, похоже, Анисья забрала её в свою комнату.

Когда Аня сообразила, что стоит предложить гостю чай или кофе, Алексей поднялся:

— Мне пора распрощаться. Я, собственно, приехал навестить рабочих в сукновальной мастерской.

— Зачем? — глупо спросила Аня.

— То есть как зачем? Чтобы учить их грамоте, — терпеливо, как ребёнку, пояснил он ей. —

Мы, образованные люди, должны просвещать простой народ. Иначе Россия никогда не сбросит с себя оковы косности и невежества.

«Так вот вы какой, господин Свешников», — подумала Аня, и в её душе поднялась волна благодарности к Алексею, занятому таким благородным делом. Учить рабочих — что может быть важнее и нужнее этого?! Без всеобщей грамотности Россия никогда не станет великой державой. Она не раз сталкивалась с неграмотными крестьянами, не умеющими правильно расписаться и сосчитать заработанные копейки. Мало того, необразованные люди и детям своим не позволяли учиться. Особенно девочкам. Что далеко ходить, даже нянюшка Анисья порой ворчала на отца за то, что отправил Аню в пансион.

«Девку учить — только портить. Умную бабу никто замуж не возьмёт», — повторяла она то, что любили говаривать в народе.

Стыдясь за своё пустое времяпрепровождение и немного смущаясь, Аня попросила:

— Позвольте мне как-нибудь пойти с вами?

По посветлевшему лицу Алексея, расплывшемуся в задорной улыбке, Аня угадала ответ раньше, чем были произнесены слова.

Он утвердительно кивнул:

— Буду счастлив.

Этих слов Свешников ждал как манны небесной, надеясь, что Аня попросится пойти с ним. Он сразу угадал в её душе сострадание к людям. Так сильно и ярко, как Аня, Алексею, пожалуй,

ещё не нравилась ни одна девушка. Правда, на первом курсе он считал себя влюблённым в телеграфистку Улечку с главного почтамта, а на втором нешуточно увлёкся выпускницей медицинских классов Женечкой Бардиной. Но ни та, ни другая ни в какое сравнение не шли с Анной. Городские барышни напоминали фарфоровых кукол, выставленных в витрине «Пассажа» — завитых, с искусственным румянцем и бессмысленными глазами. А Аня была настоящая, живая, манящая внутренней чистотой.

Идя сюда, он с замиранием сердца сравнивал её с молодой берёзовой листвой, нежным облаком окутывающей стройные стволы, облитые солнцем. Именно берёзкой ему и виделась русская девушка: белокожая, длиннокосая, гибкая, но не ломающаяся под напором суровых ветров с севера.

Ему была нужна именно такая подруга и, направляясь в дом Веснина, Алексей твёрдо решил, что добьётся Аниной взаимности во что бы то ни стало.

* * *

С того дня, как на дороге к Ельску был ограблен нарочный с казной для настоятеля Успенского собора, недели без дурных вестей не проходило.

Сперва пошёл слух, что у порогов перехватили купца Ситникова с большой суммой денег — барыши отобрали, а самого в реку кинули. Едва

жив остался. После этого пощипали помещицу Окунёву, ехавшую в Олунец покупать дочери фисгармонию. Сто рублей взяли. Тут, слава Создателю, без рукоприкладства обошлось, но Окунёва так напугалась, что дара речи лишилась. Говорят, лежит нынче на кровати, глаза пучит, а ни слова произнести не может.

Только и молвит, что «тыр» да «пыр».

Третьим обокраденным оказался диакон Никольской церкви, что спешил на торги за свечами да ладаном. Ради церковного сана, отца диакона не пощадили: хватили дубиной по голове и с телеги выкинули.

И так хитро злодеи свои чёрные дела обделывали, что никто из пострадавших не мог сказать, сколько разбойников на них напало. Ситников говорил, что тать один был, Окунёва два пальца показывала, но с неё теперь какой спрос, а отец диакон и того сказать не мог, потому как десять дней пребывал в беспамятстве.

Ельск гудел словно улей, распотрошённый охочим до сот медведем. Мужики рядились на дороге посты выставлять, капитан-исправник отбивал в губернию депешу за депешей, вдоль леса рыскал сам полицейский пристав с урядниками, а бабы выставляли из сараев острые вилы, на случай если придётся без мужика в доме оборону держать.

Вся эта кутерьма пролетала мимо Аниного сознания, оставляя в нём лишь лёгкий след, наподобие того, какой оставляет на воде крупная рыба.

Она негодовала на свою беспечность, ругала себя за жестокосердие и чѣрствость, но как только стихали пересуды о преступных событиях, мигом погружалась в неясные грѣзы, разбуженные словами Алексея Свешникова. То Аня представляла себя учительницей в школе, то сестрой милосердия, помогающей раненым, то доброй самаритянкой, посещающей тюрьмы, где томятся невинно осуждённые. Её душа, истомившаяся за долгие годы в пансионе, а нынче запертая в четырёх стенах, настоятельно требовала действия.

«Как жаль, что я не могу каждую минуту беседовать с Алексеем, он наверняка подсказал бы мне, как поступить», — озабоченно рассуждала она, ожидая обещанного Алексеем скорого визита.

Один раз Аня не на шутку встревожилась, когда сквозь закрытую дверь случайно услышала, как отец упоминает фамилию Свешникова, разговаривая с майором фон Гуком, зачистившим к ним в дом. Сперва Анна насторожилась визитами барона, опасаясь, как бы батюшка не стал склонять его к сватовству. Но Александр Карлович держался с ней отстранѣнно, знаков внимания не оказывал, и Аня совершенно успокоилась, стараясь лишь реже попадаться ему на глаза.

— Зря ты от такого знатного барина личико воротишь, — день и ночь пилила её нянюшка, — разуй глаза да рассмотри получше, какой кавалер к тебе неравнодушен. Всѣ при нём: речи приветливые, мундир золотом шит, а уж с лица

красавец — хоть воду пей! Не чета этому Алексею Ильичу. И что ты в нём нашла?

— А вот нашла... — отговаривалась на нянины слова Анна.

Удивительно, как быстро Алексей стал частью её жизни. Думая о нём как о близком друге, Аня радовалась, что с появлением Алексея из её монотонной провинциальной жизни исчезла скука и появился высший смысл. Смысл этот состоял в служении людям. Кому, как не ей, образованной девушке с дипломом домашней учительницы, надобно просвещать неграмотных? Она поняла своё призвание тогда, когда в первый раз пошла с Алексеем к рабочим сукновальной мастерской.

Шли порознь, таясь от людских глаз. Алексей шагал впереди, а Анна, боясь оговора сплетниц, побежала окольной дорогой, надвинув на глаза старую Анисью шаль.

«Ох, и всыплет мне няня по первое число за отлучку, — тревожилась Аня, чувствуя себя распоследней обманщицей. — Ну да ладно. Поделом. Лишь бы батюшке не рассказала, а то он, чего доброго, может и в светлице затворить».

В её планы никак не входило сидение взаперти. Девичья жизнь и без того связывала по рукам и ногам, заставляя подчиняться древним законам. Аня задыхалась в четырёх стенах, словно сидящая в клетке канарейка. Вырваться бы на волю, полетать, подышать полной грудью, мир посмотреть, людей узнать — вот она, волюшка. А ты,

раз девица, сиди, вышивай, поджидай выгодного мужа, а сама и слова поперёк сказать не моги.

Старая мастерская, насквозь пропахшая кислым запахом мокрой шерсти, жалась к пологому берегу реки с искусственной запрудой.

— Видите, Анна Ивановна, лопасти наподобие мельничных, — объяснил Алексей, показывая на вращающийся под действием воды деревянный барабан, — это часть сукновальной машины. Суконное ремесло — дело тяжёлое, грязное, малооплачиваемое. Народ тут работает низкого пошиба, пришлый из дальних деревень, поэтому почти все неграмотные.

Он приветственно кивнул вышедшим навстречу пяти рабочим, на ходу стряхивающим капли с длинных кожаных фартуков, и по-хозяйски расположился на скамейке под старой сосной, предварительно усадив туда Анну.

— Анна Ивановна, учительница, — представил он её собравшимся, — будет мне помогать.

— Благодарствуйте, барышня, — степенно поклонился старший из рабочих — седой низкорослый мужик с благообразной бородкой, призывно махнув рукой товарищам в направлении расставленных вокруг скамейки сухих пней. — Давай, парни, располагайтесь, не робейте, все свои. Алексей Ильич нам про жизнь рассказывать будет.

Взглянув на Свешникова, Аня увидела, как он враз посерьёзnel, подобрался, весёлая улыбка, преобразавшая его лицо, бесследно исчезла, уступив место твёрдо сжатым губам.

Теперь перед ней стоял не рубаха-парень, сельник и весельчак, а вдумчивый наставник, умеющий подчинять себе людей верно сказанным словом.

— Друзья, — негромко начал Алексей, оглядев внимательных слушателей, — сегодня на нашем кружке мы разберём с вами, почему рабочие живут хуже хозяев и как сделать так, чтобы жизнь трудового люда из серой и тягостной превратилась в свободную и счастливую. Послушайте письма рабочих, присланные в газету «Искра». Газета эта нелегальная и печатается за границей. Наши товарищи переправляют её через границу, рискуя своей свободой. А всё потому, что наше правительство смертельно боится разоблачения. Вот послушайте, какой произвол над пролетарским людом творится на заводах и фабриках, — сунув руку в карман, Алексей достал туго сложенный листок папиросной бумаги и зачитал письмо рабочих Трёхгорной мануфактуры, рассказывающих о своей тяжёлой жизни.

Анна напряжённо вслушивалась в каждое слово оратора, во всём соглашаясь с ним. Ну как не признать, что мастеровые трудятся порой по двенадцать часов в день, а их жёны едва сводят концы с концами. Разве справедливо, что она, Анна Веснина, училась в закрытом пансионе, а дочка стряпухи Матрёны Люба с трудом окончила три класса церковно-приходской школы.

«К слову молвить, Любушка ни в какую не хотела учиться, и почти каждый вечер Матрёне

приходилось таскать дочку за волосы, силой вколачивая науку», — со скепсисом припомнила Анна, но тут же подумала, что баронесса фон Гук наверняка справилась бы с Любкиным обучением. Она умела заинтересовать даже самых тупых воспитанниц.

— Учиться, учиться и учиться экономической борьбе, — энергично взмахивая рукой, говорил рабочим Алексей. — Грамотность — вот наше оружие в борьбе за власть. Грамотный рабочий не пойдёт на поводу у фабриканта, он будет отстаивать свои права до тех пор, покуда сам не превратится в полновластного хозяина производства.

Алексей говорил красиво, убедительно, и Анна видела, что его речь доходит до самых сердец взволнованных слушателей. Их перепачканные краской жилистые руки то сжимались, то разжимались в такт веским доводам Свешникова, рисующего им светлое будущее российского пролетариата. В том, что оно будет именно таким, каким обещал Алексей, Аня не сомневалась.

Идея о всеобщем равенстве целиком захватила её мысли. Она казалась ей ясной, чистой и светлой, подобно весеннему небу после затяжного ненастья. Как хорошо будет жить в обществе без бедных и богатых. Исчезнут голод, раздоры между людьми, исчезнет преступность! Ну, зачем разбойникам грабить на дорогах и губить свои души, если у них будет всего вдоволь? Внутренним взором она уже видела просветлённые лица людей на улицах Ельска, чистеньких детей,

идущих в новые школы с черепичными крышами, видела даже пьяницу и распустёху Сидорку Яковлева, обнимающегося с полицмейстером Потаповым. Хотя во времена всеобщего благоденствия полицмейстер будет и не нужен вовсе.

Между Аниними размышлениями о народном счастье мимолётно проскользнула крамольная мысль, что душегубцы на дорогах разбойничают отнюдь не от голода, а Сидорке Яковлеву денег сколько ни предложи, он всё пустит по ветру. Стараясь сосредоточиться на словах Алексея, Аня отогнала сомнения прочь. Всеобщее равенство — вот лекарство от российских бед.

Правда, Алексей сказал, что для этого придётся пострадать. Что ж, она готова! Ради народного счастья она согласна пойти в огонь и в воду. Только бы знать, что выбрана верная дорога, и не сбиться с пути.

Анна так размечталась, что не заметила, как беседа закончилась, и рабочие с Алексеем поднялись с мест, торжественно выпрямившись. Ласково взглянув на Аню, Алексей расправил плечи, поднял подбородок и полушёпотом запел незнакомую для Ани песню:

*«Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы неизвестные ждут»*.*

---

* «Варшавянка». Известнейшая революционная песня. Музыка: В. Вольского. Слова: В. Свендицкого, пер. Г. Кржижановского.

Чеканные строки волновали, настраивая мысли на новый лад, неизвестный доселе, сулили перемены в судьбе, предвещая то ли горечь поражения, то ли радость победы.

Песня смолкла, а люди так и стояли, словно слова окутали их воедино незримой паутиной.

Первой опомнилась Анна.

— Что это за песня?

— «Варшавянка», — Алексей развернулся к ней лицом и теперь стоял напротив, требовательно глядя ей в глаза.

— Анна Ивановна, ответьте по совести, вы с нами?

«Как? Он ещё спрашивает? — подумала Аня, сиюсь шевельнуть губами. — Неужели он не видит по моим глазам, что я всем существом хочу разделить с народом его радости и тяготы, рассеять тёмные силы, о которых пелось в песне и быть полезной людям?»

Алексей нетерпеливо шевельнулся, ожидая ответа.

— Да. Я с вами, — твёрдо ответила Аня, увидев, как на лицах рабочих замелькали улыбки. — Конечно, я с вами. Как все порядочные люди.

* * *

Вечерами над Ельском ручейками разливались соловьиные трели. Чуть склонится к закату солнце, заполющет небо сероватым маревом

и, сперва робко, неуверенно, из купы деревьев раздаются свистящие звуки. Постепенно они разрастаются, взлетают, дрожа переливами птичьей страсти, и к ночи полностью заполняют собой умиротворённую тишину уездного городка.

Выйдя в сад, Аня прислонилась к скамейке и, прикрыв глаза, воротилась в милое сердцу детство, осиянное любовью дорогой мамушки. Однажды, когда она была маленькой, родители ездили на богомолье в дальний монастырь, взяв с собой пятилетнюю Аню. Путешествовали три дня, останавливаясь на ночлег, где придётся. Извилистая дорога привела Весниных на маленький хуторок, окружённый фруктовым садом. Бегая за бабочками от яблони к яблоне, Аня так разгорячилась и разыгралась, что к ночи её залихорадило.

— Поспи, поспи, моя девочка, — уговаривала её матушка, поя дочку грушевым взваром на меду. — Ночка придёт, хворобу уведёт, ангелы прилетят, крылами сон нагонят. Проснёшься здоровёхонька!

Мамина рука приятно холодила лоб и успокаивала. Аня чуть забылась, а когда проснулась, то услышала под окном сказочное пение соловья. И так хорошо лежалось под дивную музыку в той комнате, пахнувшей яблоневым цветом, так славно...

При воспоминании о маме по Аниным щекам начинали катиться слёзы. Она их не стряхивала, боясь спугнуть драгоценный матушкин образ.

Тяжело быть безматерниной сиротинкой: не с кем посоветоваться, не с кем поделиться девичьими секретами, некому открыть сердце с зарождающейся в нём любовью.

— Пой, соловушка, пой, — приговаривала Аня, когда птаха над её головой ненадолго умолкла, — потешь душу.

В темноте сада было видно, как в полуоткрытом окне кухни, освещённом тусклым пламенем масляной лампы, стряпуха Матрёна вздувает самовар, что-то рассказывая скрытому от Ани собеседнику. Хорошо в саду, покойно. Так бы и сидела в темноте под окнами своего дома, перебирая в памяти отрадные минутки своей жизни.

Рассеянным взглядом Аня заметила, как Матрёна сдвинулась в сторону, начав выкладывать на тарелку пироги, и стало видно, что разговаривает она с белошвейкой Проклой.

— Ох, распалила самовар не на шутку. Открой, Прокла, окно пошире, — скомандовала кухарка, и почти сразу створки окна с треском разошлись по сторонам. — Так-то оно лучше. — Матрёна прикрыла пироги чистым полотенцем, сунув один швец: — Отведай, не солоно ли?

— Не солоно, в самый раз, — одобрила Прокла, откусывая изрядный кусок, — большая мастерица ты на пироги.

Матрёна горделиво хмыкнула:

— Как иначе? Сызмальства к поварскому делу пристроена. А уж сколько начинок у меня перестряпано — не счесть!

— Говорят, ты у богатых господ прежде служила?

— Верно. У банкира жила. У них в Петербурге особняк недалеко от Невского проспекта. Так главная улица называется, — пояснила она слушательнице. — Какая в том особняке кухня наиважнейшая! Плита изразцовая, с тремя духовками: большой для пирогов, средней — для гарниров, и малой — десертной.

— Да ладно тебе, Мотря, про плиту мне байки баять, ты лучше опиши, какова на внешность банкирша? Злая, небось, да старая.

— Типун тебе на язык, Прокла, — замахала полотенцем Матрёна, задохнувшись от возмущения. — Банкирша — такая лапушка, лебедь белая. Молодая, хорошенькая. И сынок их, Арнольдик, добрый мальчик, без гонору. Бывало, вырвется от своего гувернёра на волю, забежит в кухню, и ну по столам шарить, кусочек хлебца с постным маслом просить.

— Ишь ты, хлебца с постным маслом, — восхитилась Прокла. — Я девчонкой тоже хлебушек с льняным маслом уважала. Да если ещё соличкой покруче посыпать...

Анна заметила, как Матрёна одобрительно взглянула на Проклу, похваливающую пирог, и услышала новый вопрос, заданный любопытной кухаркой:

— Скажи, Прокла, откуда ты родом? Смотрю на тебя и признать не могу. Говоришь пришлая, а выговор местный.

Аня увидела, как от незатейливого вопроса лицо портнихи на миг приняло кислое выражение, словно в пироге ей попался кусок ревеня, но тут же полные губы дрогнули в слащавой улыбке:

— Нет, Матрёнушка, я не местная. Я из Новой Ладogi. Моя семья там испокон века жила.

— Не местная, а людей сторонишься. Я заметила, что ты в город стараешься не выходить, а как к нам люди заходят, сразу за шитьё садишься в дальней каморке. Уж, думала, хоронишься от кого, — понизив голос, сказала Матрёна, понимая кивнув в сторону дома полицмейстера.

Прокла стыдливо потупилась:

— Права ты, Матрёнушка, ох и права. Хороюсь. Я когда у Рыковых в швейках жила, ко мне один приказчик ходить начал. Всяческие знаки внимания оказывал, а на Пасху, не поверишь, коробку конфет-бонбоньерок подарил. А когда я ему от ворот поворот сделала, обещался поймать и ноги переломать. Вот я на люди и не показываюсь, от греха подальше. Но ты уж меня не выдавай.

— Ох, темнишь ты, девка! — недоверчиво хмыкнула Матрёна. — Ну, да ладно! Мне-то что за дело!

— И верно, Матрёшенька, и верно, — зачастила Прокла, оглаживая кухарку по мощному плечу. — В чужие дела нос совать — хуже нет. Ты уж свои словечки-то при себе держи. Они ведь, словечки, сама знаешь как: вылетят — не поймаешь.

Уловив в Проклиной интонации визгливые нотки, звучащие с явной угрозой, Аня подумала,

что, пожалуй, в отношении Проклы нянюшка права — швея не так проста, как старается казаться.

В такой чудный, тёплый вечер размышлять о Прокле совершенно не хотелось, и Аня снова прикрыла глаза, вслушиваясь в наигрыш гармони у реки. Когда гармонист переиграл все «страдания», высокий девичий голос завёл хороводную песню. Хрустнувшая под сапогом веточка выдала присутствие человека рядом. Аня оглянулась.

— Хорошо поёт девица, — сказал отец, отводя рукой низко нависшую ветку яблони, — ноги сами в пляс просятся. — Он грузно опустился на скамью, скрипнувшую под его тяжестью, и накинул Ане на плечи тонкую шерстяную шаль, раскрашенную крупными розами — подарок Ани-сьи. — Тоскует, сердечко-то?

— Тоскует, тятенька.

Аня благодарно завернулась в шаль, окунаясь в нежное тепло мягкой ткани, и внимательно посмотрела на отца, замечая, что он тоже растроган воспоминаниями. В косом лунном свете его лицо выглядело молодым и чистым, без единой морщинки. Аня бережно взяла руку отца в свои, ощутив ответное пожатие:

— Тятя, расскажи, пожалуйста, как ты познакомился с мамушкой?

— Обыкновенно, на смотринах, — отец выпрямился, проведя рукой по лбу, словно стряхивая прошедшие годы, и его голос зазвучал по-молодому весело. — Мне лет двадцать было, когда тятя меня женить надумал. Он у нас крутенок был,

рассуждений наших с матушкой не слушал. Как-то раз вызвал меня и сказал: «Женю и баста. Хватит, мол, тебе, сын, балбесничать, да вокруг девок картуз ломать. Приищу тебе невесту на ярмарке».

Как посулил он мне это, я ночи не спал, переживал. В те годы отцы парням жён не по красоте выбирали, а по достатку да по ремеслу в руках. Работящую девку вмиг высватывали, будь она с лица не краше самовара.

Жду, значит, батюшку с ярмарки, а сердце, как заячий хвост, выстукивает. Приехал он, я на него и глаз не поднимаю, спросить боюсь. А тятя и говорит:

— Собирайся, Ваня, к послезавтреву — едем невесту смотреть. Понравится — не понравится, и спрашивать не буду. С её отцом мы уже уговорились.

Что делать? Я к маменьке:

— Пожалей хоть ты меня, родимая, пропала моя холостая головушка.

А матушка мне в ответ молвит:

— Не кручинься, сынок, скоро Покров, будем молить Богородицу и на тебя хоть малый краешек пелены накинуть.

«А и впрямь, — думаю, — что я, человечешко, переживаю? Едина правда, что судьбой нашей лишь один Господь ведаёт, да Божия Матерь».

Вот, значит, приехали мы на смотрины в село Логиново. Огромное село, богатое. Батюшка остановился, шапку снял, на церковь перекрестился и спрашивает прохожих:

— Скажите, люди добрые, где тут у вас Василий Охотников проживает.

— А вот, — говорят, — его дом.

И показывают на высокую избу в пять окон.

Подъехали мы, хозяева нас с поклоном встречают, в горницу ведут, а там уж стол накрыт, от закусок и заедок ломится. Бутыль вина, как положено, приготовлена. Хлеб-соль в красном углу. Сели мы, закусываем, беседуем о торговлишке, о ценах на пшеницу. Я и дышать боюсь, а ну как вместо невесты мне пугало огородное выведут.

Только вдруг замечаю, что и отец смурной сидит. То так, то этак на хозяина поглядывает. А тот соловьём разливается. Не знает, чем гостей и ублажить. Да и хозяйка хороша. Дородная, степенная. Наконец, когда я уже всякое терпение потерял, выводят нам девушку. Стоит она, голубушка, бледная как смерть, платочек в руках тербит, вот-вот заплачет. А как подняла она голову, поглядели мы друг на друга — и словно мёду хмельного по чаше хватили. Век бы смотрелись — не насмотреться... Отцы наши по рукам ударили, день венчания назначили, а уж когда о свадебном пире рядиться начали, отец понял, что заехали мы не к тому Охотникову, с которым батюшка на ярмарке дружбу свёл, а к его сроднику, тоже поджидавшему сватов.

До сих пор понять не могу, как наши отцы друг друга не узнали! А другие сваты опосля нас приехали — в лесу заплутали. Глядь, а невеста уже просватана.

Вот как бывает!

Помогла мне матушкина молитва. Защитила меня Пречистая. А та девушка, которую тятя мне в жёны наперёд прочил, вскоре с пастухом из соседней деревни сбежала.

Отец умолк, горько сморщившись, и согнутым пальцем согнал слезинку с уголка глаза.

— Крепко, Анечка, мы с твоей матушкой любили друг друга, потому и не неволю тебя с замужеством. Хочу, чтоб и тебе такое же великое счастье досталось — по согласию в супружество вступить. Но так скажу: лучшего мужа, чем барон фон Гук, тебе не найти. Помяни моё слово.

Лучше бы он не произносил этого имени! От одного упоминания о бравом майоре с картинно-красивой физиономией у Ани испортилось настроение. Она внезапно почувствовала озноб, да и соловей пел уже не так переливчато, как прежде.

— Не пойду за фон Гука, не люб он мне, — выдохнула Аня, от волнения путаясь пальцами в бахроме шали, — лучше в девках останусь.

Она ожидала, что отец будет возражать, уговаривать, и уже приготовила, что ответить, но он молчал, опустив голову, задумчиво разглядывая клумбу с побегами георгинов.

— Ты — девушка умная, образованная, как решишь — так и будет, — сказал, наконец, Веснин. Чувствовалось, что эти слова давались ему нелегко, и Ане в который раз стало стыдно за своё непокорство.

— Папенька, я вообще не хочу замуж, — тихо пробормотала она, предчувствуя новые укоры родителя, — я хочу учительствовать.

Неожиданно для неё отец оживился и крепко пристукнул рукой по коленке:

— Это дело, дочка! Сам об нём думал. И вот что скажу: присмотри домик под школу, набери ребятешек и открой там классы. А то наша церковно-приходская школа уже не справляется. Мне на днях отец Александр жаловался, что детей рассаживать некуда.

Аня просияла и принялась осыпать поцелуями отцовские руки, сухие и горячие:

— Батюшка! Родной! Ты самый лучший!

— Полно, Аннушка, трудись, благотворительствуй, а за хлопоты твои, глядишь, и устроит тебе счастье Господь по великой милости Своей.

* * *

Целый июль Аня летала как на крыльях. Она откроет свою школу! Это ли не высшее счастье служения людям! Лёгкой ногой она ежедневно бегала за советами в церковно-приходскую школу к отцу Александру, горячо обсуждала с тятей нужды народного образования, разговаривала с местными купцами о пожертвованиях, а по ночам, вместо сна, Анна представляла начало занятий. Ей казалось, что это произойдёт в необыкновенно ясный, тёплый осенний день, напоённый

запахами скошенных трав и цветущих флоксов, которые она обязательно посадит возле школьного крыльца.

В мечтах ей виделась невысокая крепенькая изба с широкой надписью над входом «Школа». Внутри дома — просторная комната с печкой, парты в три ряда на двадцать учащихся и учительский стол. Дверь в задней стене ведёт в крошечную комнатку учительницы, точно такую, какую Аня видела в селе Иссад, куда они с отцом ездили к дальней родне.

Иссадская школа стояла неподалёку от их дома, и приветливая молоденькая учительница пригласила Аню в гости выпить чаю и поболтать. Пришкольная комнатка оказалась столь мала, что её смело можно было назвать каморкой: миниатюрная печурка с попыхивающим медным чайником, простой столик, укрытый кружевной салфеткой, венский стул с гнутыми ножками и узенькая кровать под лоскутным покрывалом. Вся обстановка выглядела столь милой и уютной, а вещи такими чистенькими и аккуратными, что Ане невольно захотелось остаться здесь навсегда и учительствовать. Она так же, как юная учительница, сидящая напротив неё, взахлёб рассказывала бы об успехах своих школяров, а долгими зимними вечерами зажигала керосиновую лампу, слушала завывание вьюги за окном и проверяла бы тетради. Покупка подходящей избы для школы — вещь серьёзная, её наугад не сделаешь, надобно сперва подыскать удобное место. Но кроме

самого помещения, для занятий необходимо предусмотреть множество других мелочей.

По несколько раз за день Аня открывала амбарную книгу, куда батюшка приказал записывать все расходы и нужды, и сосредоточенно принималась перечитывать ровные строки, расположенные в столбцы:

«Деревянные парты — 10 штук.

Керосиновые лампы — 4 штуки.

Стол учителя — один.

Стулья — 25 штук.

Доска на стену.

Мел».

Аня всплѣснула руками:

— А аспидные доски для школяров?! Как можно про это забыть?!

Торопливо скрепя пером, она втиснула между строчек новую запись:

«Малые аспидные доски — 25 штук.

Азбука — 11 экземпляров.

История в рассказах госпожи Ишимовой — 1 экземпляр.

Учебник арифметики — 11 экземпляров.

Учебник Закона Божиего — 1 экземпляр.

Ещё надо попросить у батюшки кружки для ребят. На большой перемене детей будут поить чаем. Купец Варфоломеев, владелец хлебопекарни, обещал каждый день присылать по корзине хлебного лома. Хорошо бы прикупить тетрадей для письма, и лучшим ученикам позволять писать не мелом на дощечке, а пером и чернилами...»

Аня невероятно гордилась тем, что ей одной из первой в классе строгая госпожа учительница выдала тетрадку, перо и чернильницу.

— У вас, Веснина, вырабатывается очень хороший почерк, — заявила учительница на уроке чистописания, кладя перед Аней тоненькую тетрадку, украшенную тиснённым узором. — Обратите внимание, девочки, как мадемуазель Веснина выводит хвостик у буквы «п»! Замечательный хвостик!

Аня вспомнила, как уловила на своей новенькой тетради завистливый взгляд соседки по парте, и стала ещё старательнее работать над хвостиками прописных букв, непослушно расползающихся во все стороны под её неловкой детской рукой. «Да, для новой школы непременно нужны тетради», — бесповоротно решила Анна, приписывая их к длинному списку, перевалившему на третью страницу.

Никогда за всю свою восемнадцатилетнюю жизнь она не чувствовала такой ответственности за порученное дело, как сейчас. Даже на выпускном спектакле в пансионе, где присутствовал сам великий князь Константин Константинович, она волновалась куда меньше, хотя исполняла одну из главных ролей — роль музы Клио — покровительницы истории.

Открывать новую школу оказалось так трудно, что Аня даже решила отпроситься у батюшки в Олунец с визитом к своей наставнице, баронессе фон Гук. Наверняка она подскажет что-то

дельное, ведь десять лет назад Матильда Карловна сама, будучи молодой дамой, открывала пансионат для девиц. Не остановила Аню даже мысль, что в гостиной баронессы она рискует столкнуться с бароном Александром Карловичем — благородное дело превыше всего. В противовес общению с бароном фон Гуком, в глубине души вызрела надежда на встречу с Алексеем Свешниковым. Ей не хватало бесед с ним, тем более что со времени их последней встречи накопилось немало событий и новостей. Да и не выказать почтение любимому учителю Евгению Петровичу Свешникову казалось ей крайне невежливым.

Хоть при упоминании Олунца на лице батюшки появилось выражение тревоги, отпустить дочь к баронессе он согласился, оговорив, что с ней поедет Анисья и вооружённый провожатый.

— Тятя, милый, ничего со мной не случится, даю слово, — умоляюще сложила руки Анна, но отец был непреклонен: только так или никак.

Волей-неволей Ане пришлось смириться. Если бы месяц назад ей сказали, что по городу придётся передвигаться с вооружённой охраной, она подняла бы болтуна на смех. Но нынче, когда на дороге разбойничали злодеи, ездить поодиночке народ остерегался. Анина двуколка ехала за обозом купца Сальникова, состоявшим из трёх подвод. Сальниковские мужики выглядели сурово, за плечами у каждого торчал заряженный дробовик, и Аня подумала, что напасть на них отважится только умалишённый.

Разбойник, орудующий на их дорогах, на сумасшедшего не походил, и она, незаметно для себя, принялась мысленно представлять свою встречу с Алексеем. Она не видела его больше месяца — с того самого дня, когда, не спросив разрешения, сходила с ним к рабочим сукновальной мастерской. Один раз с утренней почтой ей принесли от Свешникова короткую записочку. Аня выучила её наизусть.

«Милая Анна Ивановна!

Спешу сообщить, что постоянно думаю о нашей с Вами встрече! К сожалению, обстоятельства вынуждают меня оставаться в Олунце, что не мешает мне мечтать вновь увидеть Ваши прекрасные глаза.

Алексей».

— Увидеть ваши глаза, — шевеля одними губами, чтоб не расслышала сидящая рядом нянюшка, повторила Анна.

Ей тоже хотелось бы увидеть весёлые серые глаза Свешникова и услышать его глубокий голос, умеющий быть и твёрдым, и нежным. Аня представила, как Алексей удивится и обрадуется, когда она сообщит ему о своих хлопотах по открытию школы. Она докажет ему, что тоже думает о нуждах простого народа. А ещё Аня объяснит Свешникову, что в Ельске у него много единомышленников, радеющих за народное просвещение. Она принялась перечислять в уме благодетелей:

в первую очередь, её батюшка, на свои деньги покупающий избу под школу, затем булочник Варфоломеев, без слова согласившийся присылать школярам завтраки, и лесничий господин Одувалов, пообещавший снабжать школу дровами, и ещё многие и многие, принимающие в открытии школы живейшее участие.

Хотя, нет. Она повременит хвастаться, а порадует Алексея, когда школа будет полностью готова. Тогда она пригласит его с дядюшкой на открытие и докажет, что если упорно трудиться, то можно изменить мир к лучшему и без кровавой борьбы классов, а миром и любовью...

Копыта лошадей мягко постукивали по хорошо накатанной дороге, высекая монотонную мелодию, навевающую сон на няню, медленно клонившую голову на Анино плечо. Маячившие впереди спины обозников с ружьями тёмными силуэтами выделялись на фоне еловых ветвей, свисавших на дорогу. И люди в обозе, и сумрачный лес, и отдалённый гул речного порога сегодня казались Ане ненастоящими, выдуманскими неведомым сказочником, уж больно чист и прозрачен был сегодняшний воздух, казавшийся неподвижным.

Пару раз Анне показалось, что далеко позади промелькнул всадник на коне. Она протёрла глаза, взглядываясь в густой ельник, но там никого не было.

— Барышня, не растрясло? Олунец ещё через пять вёрст, — повернулся к ней извозчик Степан,

славящийся среди работников Веснина недюжинной силой.

— Спасибо, Степан, всё хорошо.

Откинув назад шляпку и зажмурив глаза, Анна подставила лицо солнечным лучам, полосами пробивающимся сквозь лесную чащу. Через пару часов она вновь пройдёт по улицам Олунца и впервые на равных побеседует с баронессой фон Гук. Хотя Аня уже перестала быть пансионеркой, одно лишь упоминание имени госпожи директорши вызвало священный трепет. Матильда Карловна всегда казалась девочкам существом изысканным и недостижимым, а уж о чашке чая в её гостиной и мечтать не приходилось.

«Вдруг она меня не примет? — в который раз забеспокоилась Аня. — Кто я ей? Бывшая ученица».

Но Анины опасения оказались напрасными. Баронесса фон Гук, жившая в просторной квартире при пансионате, находилась дома и приказала привратнику немедленно пригласить Аню в гостиную. Высокая, сухопарая, Матильда Карловна была поразительно похожа на своего брата. Но если черты барона носили печать несравненной красоты, то те же линии на женском лице выглядели всего лишь миловидно, и не более того.

Увидев Аню в дверях, Матильда Карловна поднялась навстречу, гостеприимно распахнув руки:

— Мадемуазель Веснина, безмерно рада вашему визиту!

Скромное домашнее платье кофейного цвета с многочисленными пуговками по лифу подчёркивало благородство осанки баронессы и нежную теплоту её лица, обрамлённого двумя прядями волос, выпущенных из причёски.

Матильда Карловна указала Ане на кресло и позвонила в серебряный колокольчик, стоявший на подносе. Аня знала наверняка, что на звук колокольчика из двери появится горничная Марфуша — огромная неуклюжая девица с двумя тощими косицами и побитым оспой лицом. Девочки шутили между собой, что на самом деле Марфуша не девка, а переодетый солдат-гренадёр. Одна пансионерка даже взялась это доказать и тайком бегала подглядывать за Марфушей в людскую: будет горничная брить бороду или нет. Девушек ждало жестокое разочарование — Марфуша бороду не брила, и, когда бы пронырливая наблюдательница ни взглянула на горничную, всегда дула чай из литровой кружки.

Аня не ошиблась. В приоткрывшейся двери показалась Марфушина голова:

— Что изволите, барыня?

— Марфушенька, принеси нам чай с печеньем. Тем, что привёз Александр Карлович из Петербурга.

— Александр Карлович — мой брат, майор, — пояснила баронесса, кладя на подлокотник кресла изящную руку с тонким резным кольцом красного золота. — Он приехал в отпуск по ранению. Жаль, что ты уехала, не дождавшись выпускного

бала. Александр перетанцевал на нём со всеми выпускницами.

Аня вспыхнула:

— Я знакома с господином бароном.

— Знакомы? Но, впрочем, чему я удивляюсь? Александр Карлович очарован здешними местами и успел перезнакомиться со многими местными жителями. Сегодня он в отъезде.

Матильда Карловна дождалась, когда Марфуша сервирует чай, серебряными щипчиками положила в Анину чашку два кусочка пилёного сахара, кивком испросив разрешения, подлила густых сливок и только тогда поинтересовалась, что за дело привело к ней дорожую гостью.

Обрадованная, что далее разговор не коснётся барона, а пойдёт по нужному руслу, Аня заторопилась с рассказом:

— Матильда Карловна, я к вам за советом.

После слов баронессы об отъезде брата она чувствовала себя легко и уверенно, словно пришла к своей лучшей подруге.

Ей захотелось немедленно поведать госпоже фон Гук о своих начинаниях.

Видимо, Матильда Карловна уловила её настроение, потому что отставила в сторону официальный тон, ласково коснулась пальцами Аниной руки и задушевно произнесла:

— Внимательно слушаю тебя, Анечка.

Ане показалось, что баронесса видит её всю, до доньшка. Она всегда предполагала, что школьники, как ни стараются, никогда не могут укрыть

от преподавателей свои мысли. Ей зримо представилось классное помещение и певучий голос учительницы, обращённый к ней:

— Веснина, я знаю всё, о чём ты думаешь...

Но сейчас вместо строгой наставницы перед ней сидела доброжелательная слушательница, изящно отхлёбывающая маленькими глотками чай из тонкостенной фарфоровой чашки. Её глаза, так похожие на глаза брата, заинтересованно глядели в Анино лицо, как бы говоря: «Доверься мне, не стесняйся...»

Сначала сбивчиво, но затем всё увереннее и увереннее, Аня принялась рассказывать о задуманной новой школе, о детях, которых родители не пускают учиться, и о рабочих, которые, напротив, очень хотят учиться, но не имеют такой возможности.

— Особенно меня волнует образование девочек, — горячо заключила Аня. — Пока мальчики учатся, девочки остаются совершенно неграмотными и не могут прочесть даже своё имя.

Матильда Карловна слушала, не перебивая, изредка покачивая головой в знак согласия.

— Я всегда знала, что ты замечательная девушка, — сказала она, когда Аня, окончила свой рассказ. — Ты задумала необыкновенно нужное и полезное дело. Можешь всегда рассчитывать на нас с братом. Будем рады помочь и делом, и финансами. Кстати, о тебе справлялся господин Свешников. Навести его.

— Алексей? — сорвалось с языка у Ани.

— Почему Алексей? — удивилась баронесса. — Твой учитель истории, Евгений Петрович.

Так оплошать! Если бы Аня могла провалиться сквозь землю, то она бы с удовольствием это сделала. Опустив голову, Анна украдкой глянула на Матильду Карловну, но та безмятежно улыбалась и, казалось, не обратила внимания на её реплику. Но Аня знала, что от проницательной наставницы никогда не ускользала ни одна мелочь, а её поведение — лишь результат безупречного воспитания. Не зная, как скрыть свой конфуз, Аня неловко начала прощаться.

— Ты, не пропадай, Аннушка, — расцеловала её Матильда Карловна, — заглядывай ко мне попросту. Мы ведь теперь с тобой коллеги.

Проводила её горничная Марфуша. Бесстрастно глядя на Аню малюсенькими глазками с монгольским разрезом, она шевельнула толстыми рыбьими губами и ткнула пальцем в голубой дом на углу улицы:

— Свешниковы теперь там обретаются. На днях переехали.

* * *

Слова Марфуши о Свешниковых стыдно ожгли крапивой.

«Да она подслушивала! — вдруг поняла Аня, наблюдая, как лицо горничной медленно расплывается в улыбке, становясь похожим на плохо

испечённый скомканный блин. — Теперь в ближайшее время вся Олунецкая губерния будет извещена о моём отношении к Алексею. Ну и пусть! На каждый роток не накинешь платок».

Анна независимо повела плечом, словно скидывая с себя липкий Марфушин взгляд, и неторопливо перешла улицу, одновременно увидев, как следом за ней двинулась двуколка с похрапывающей на сиденье Анисьей.

— Нянюшка, я быстро. Только навещу господина учителя, — пообещала ей Аня, от души надеясь, что спросонья Анисья не разглядит предательского румянца на её щеках.

— Иди, иди, милая, — зевнула няня, — а я, пожалуй, пока в лавку заверну, наберу ситцев девкам на платки. То-то им радости будет.

По сравнению с пансионом, добротнo выстроенным из кирпича, дом господина Свешникова выглядел скромным, если не сказать бедным. Аня припомнила, что прежде здесь жила семья отставного полковника Весёлкина — забавного седого старичка, любившего умильно помахать сухой ручкой мелькавшим в окнах пансионеркам. Каждое утро похожий на сушёного таракана Весёлкин облачался в парадный мундир и важно прогуливался по улице, заложив руки за спину, словно принимая важное решение о штурме неприятельской крепости. Иногда, в хорошую погоду, он выводил на прогулку дородную жену, страдающую одышкой, и тогда уж в сторону пансионерок даже головы не поворачивал.

Содержание

<i>Пролог</i>	5
Дочь купеческая.....	9
Найдёнова.....	289
Саянова.....	529

